

Е. А. Власова*

**ИНТЕРТЕКСТ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В ПОВЕСТЯХ
А. ТОЛСТОГО «ЭМИГРАНТЫ» И С. ДОВЛАТОВА
«ИНОСТРАНКА»**

В задачу статьи входит проследить особенности создания образов главных женских героинь в повестях двух известных писателей — А. Толстого «Эмигранты» и С. Довлатова «Иностранка». Общий контекст русской эмиграции, хотя и разделённый десятилетиями, позволяет выявить формирующие литературные константы русской литературы в эмиграции. Помимо общей тематической основы — мир русских эмигрантов первой (А. Толстой) и третьей (С. Довлатов) волн основной связующей нитью между двумя произведениями, по мнению автора статьи, становится интертекст, а именно интертекстульные связи с романом Ф. М. Достоевского «Идиот», то есть с традицией классической русской — *отечественной* и для эмигрантов — литературы.

Ключевые слова: третья волна русской эмиграции, первая волна русской эмиграции, «Эмигранты» А. Толстого, «Иностранка» С. Довлатова, интертекстуальность, «Идиот» Ф. М. Достоевского.

E. A. Vlasova

*THE INTERTEXT OF F. DOSTOEVSKY IN THE NOVELS OF A. TOLSTOY
“EMIGRANTS” AND S. DOVLATOV “THE FOREIGNER”*

The task of the article is to trace the peculiarities of creating images of the main female heroines in the stories of two famous writers A. Tolstoy “Emigrants” and S. Dovlatov “The Foreigner (Inostranka)” with the help of intertext. Russian Russian emigration’s general context, although separated by decades, makes it possible to identify the formative literary constants of Russian literature in emigration. In addition to the general thematic basis — the world of Russian emigrants of the first (A. Tolstoy) and the third (S. Dovlatov), the main connecting thread between the two works, according to the author of the article, becomes

---

* Власова Елизавета Алексеевна, докторант, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского; kealis@gmail.com

the intertext, namely intertextual links with the novel by F. Dostoevsky “The Idiot”, that is, classical Russian literature.

Keywords: Russian emigration third wave, the first wave of Russian emigration, “Emigrants” by A. Tolstoy, “Inostranka” by S. Dovlatov, intertextuality, “Idiot” by F. Dostoevsky.

Повести «Эмигранты» А. Толстого и «Иностранка» С. Довлатова были написаны зрелыми авторами в один из завершающих этапов творческого пути каждого. Так, повесть А. Толстого? первоначально задуманная под названием «Чёрное золото», появилась в 1931 году в журнале «Новый мир», когда, как пишут авторы комментариев к сборнику повестей и рассказов Толстого М. Алпатов и Ю. Крестинский, автор «Хождения по мукам» был уже «сложившимся советским» писателем [5, с. 550]. С. Довлатов опубликовал свою первую повесть об американской жизни в 1985 году, получившую негативную оценку критиков [2]. Эта же повесть оказалась и последним крупным произведением в его писательской карьере.

Внешнее сходство двух произведений также связано с субъектной интенциональностью при выборе заглавия. В случае с названием повести «Эмигранты», заменившим первоначальное «Чёрное золото», А. Толстой чётко очерчивает круг героев — русские эмигранты, бежавшие из революционной России, то есть люди, лишившиеся Родины, оказавшиеся чуждыми в новой стране. В заданном векторе отчуждённости писатель Довлатов идёт дальше, называя своё произведение «Иностранка», показывая, что главная героиня произведения не может стать своей в принявшей её стране. Как справедливо указывает Е. Н. Бобыкина, «интенция автора относительно главного действующего лица, заявленная в названии, уточняется и конкретизируется эпиграфом-посвящением [1, с. 528]: «Одиноким русским женщинам в Америке — с любовью, грустью и надеждой» [3, с. 213]. Фразой «русским женщинам в Америке» С. Довлатов конкретизирует нарратив будущего произведения о жизни в Америке, ограничивая повествование от описания жизни коренных американцев, замыкая внимание читателя на эмигрантской американской среде, а именно — на описании жизни русских женщин в эмиграции.

Важным сходством двух произведений А. Толстого и С. Довлатова становится ориентация на достоверность описываемых событий. Документальный характер наррации задаётся в А. Толстым уже в эпиграфе к повести:

«Факты этой повести исторически подлинны, вплоть до имен участников стокгольмских убийств. Профессор Стокгольмского университета сообщил мне подробности этого забытого дела. Остальные персонажи и сцены взяты по возможности документально из материалов, из устных рассказов и личных наблюдений. В первой редакции эта повесть называлась «Черное золото»» [5, с. 3].

Далее эффект достоверности в сознании читателя подкрепляется введением в сюжет большого числа известных исторических персонажей, правда, преимущественно второстепенных. Это и генерал Юденич, и бывший министр просвещения Кедрин, и самый главный «злодей» повести — турок Хаджет Лаше, заметка о преступлении которого и легла в основу повести.

В момент публикации повести А. Толстой находился в Советском Союзе, поэтому мог не опасаться критики и реакции со стороны «белоэмигрантов». Автор же повести «Иностранка» сам был частью эмигрантского сообщества в Америке, поэтому большинство узнаваемых героев показаны в повести под изменёнными фамилиями. Так, баптист Лемкус в действительности был Михаилом Зиновьевичем Моргулисом, известным христианским деятелем-эмигрантом.

Пересечения повестей, рассказывающих о жизни русских эмигрантов первой (А. Толстой) и третьей (С. Довлатов) волны, подкрепляются интертекстом Ф. М. Достоевского, используемым обоими авторами для реализации схожих задач. Так, в обоих произведениях с помощью отсылок к образу Настасьи Филипповны из романа «Идиот» создаётся противоречивый и полный трагизма образ главной героини.

В повести «Эмигранты» основным женским действующим персонажем является княжна Вера Юрьевна Чувашева, в которую влюбляется главный герой произведения Василий Налымов. Судьба Веры Юрьевны крайне трагична, и драматизм её образа усиливается за счёт узнаваемых отсылок к известному произведению Ф. М. Достоевского «Идиот», к образу Настасьи Филипповны. Княжна Чувашева, имеющая благородное происхождение, была вынуждена в результате революции лишиться дома и оказаться в константинопольском доме терпимости, где её находит один из главных отрицательных персонажей повествования — турок Хаджет Лаше, который оказался владельцем этого публичного дома. Так образ княгини Чувашевой представляет собой тот самый образ отчаявшейся падшей женщины, который был воплощён в героине романа «Идиот» Настасье Филипповне.

Помимо внешнего сходства и бесспорной красоты, главной отличительной чертой лица героини Толстого являются большие тёмные глаза, как и у героини Достоевского. Мотив «падшей» женщины в образе княгини Чувашевой дополнительно усиливается писателем, так как Вера Юрьевна оказывается убийцей. В одной из бесед Хаджет Лаше напоминает княжне, что она ножом зарезала одного из клиентов, что и послужило причиной преследования её со стороны полиции, а также стало основанием шантажа со стороны Хаджет Лаше, заставившего княжну участвовать в преступных деяниях.

Отсылка к роману «Идиот» становится особенно явной с введением в повествование сцены встречи княжны Чувашевой с Леви Левицким. Приведём её целиком:

«Они долго стояли на тротуаре у ювелирного магазина. Вера Юрьевна подъехала в машине, вышла и остановилась у витрины, где на черном бархате колючими лучами переливались камни. Вера Юрьевна была в седых соболях, бледна, потрясающе шикарна. Перед витриной, в блестящей суете улицы, эта неподвижная, высокая и недоступная женщина отшибла у Леви Левицкого остатки благоразумия. Он намеревался было заговорить, но Вера Юрьевна, не замечая его, вернулась в автомобиль и исчезла среди несущихся вниз по крутой улице машин, автобусов, трамваев...» [5, с. 234]

В романе Достоевского прототипическая сцена дана сжато:

«Я тогда, князь, в третьегоднейшей отцовской бекеше через Невский перебежал, а она из магазина выходит, в карету садится. Так меня тут и прожгло» [4, с. 46].

Но, как и в «Невском проспекте» Н. В. Гоголя, на который однозначно ссылается и Достоевский, а через Достоевского и А. Толстой, улица-проспект с её соблазнами, магазинами, суетой становится дополнительным фоном, катализатором для чувств героев. Так интертекстуальный фон повести «Эмигранты» уплотняется и дополнительно насыщается смыслами, сформировавшимися в нарративе русской классической литературы.

В повести С. Довлатова «Иностранка» нет явных сцен, повторяющих сцены из романа «Идиот», но образ главной героини недвусмысленно отсылает читателя к образу Настасьи Филипповны. Судьба «Иностранки» — Маруси Татарович, как и судьба княгини Чувашевой и княгини Барашковой, развивается трагически, но в отличие от героинь Толстого и Достоевского, героиня оказывается в сложных жизненных обстоятельствах как будто бы по своей собственной воле. Маруся Татарович, происходившая из семьи зажиточных номенклатурных работников, неожиданно решает уехать в Америку, сочетавшись фиктивным браком с евреем Цехновицером. На протяжении повести читатель узнаёт о её метаниях, желании вернуться, поиске лучшей жизни и страхах перед неизвестностью американской жизни, воплотившейся в ужасе, который героине внушал Нью-Йорк. Поиски работы не приводят ни к чему хорошему, героиня находит латиноамериканца Рафаэля, влюбившегося в неё, и в конце выходит за него замуж. Писатель показывает мнимость этого счастливого завершения, называя последнюю подглавку «Хеппи эндом».

Связь довлатовской героини с героиней Достоевского проявляется через характеристику Маруси Татарович, данную ей автопсихологическим героем-писателем Довлатовым. Писатель снабжает героиню эпитетами, которые можно было бы отнести и к героиням Достоевского, и А. Толстого:

«Раза три я подолгу беседовал с Марусей за чашкой кофе. Она рассказала мне всю свою довольно-таки нелепую историю. В какой-то степени мы подружились. Я люблю таких — отпетых, погибающих, беспомощных и нахальных. Я всегда повторял: кто бедствует, тот не грешит...» [3, с. 234].

В этой довлатовской интерпретации повторяется портрет княгини Барашковой, данный ей князем Мышкиным: «Я ничто, а вы страдали и из такого ада чистая вышли, а это много», где страдания Настасьи Филипповны «уберегли» её от ада, грехов. Неслучайно и один из героев (генерал) называет Барашкову погибшей женщиной: «Жаль! Искренно жаль! Погибшая женщина! Женщина сумасшедшая! [4, с. 346].

Все три героини представляют собой образ «погибшей» женщины, но разница заключается в их дальнейшей судьбе. А. Толстой и С. Довлатов дают своим героиням надежду, устраивая в конце повестей женитьбу, тогда как героиня Ф. Достоевского окончательно погибает и погибает трагически.

Интертекстуальные связи двух повестей — «Эмигранты» А. Толстого и «Иностранка» С. Довлатова, реализовавшиеся через интертекст Ф. Достоевского, обнаруживают непрерывную традицию, основанную на апелляции

к русской классической литературе, которая связывает произведения первой и третьей волны в единый комплекс — русская эмигрантская литературы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобыкина Е. Н. Интердискурсивность как композиционно-стилевая доминанта повести С. Довлатова «Иностранка» // Вестник Марийского государственного университета. — Т. 14. — 2022. — С. 528–531.
2. Генис А. Довлатов и окрестности: филологический роман. — М.: Вагриус, 1999. — 302 с.
3. Довлатов С. Собрание сочинений: в 4 т. / Сост. А. Арьев. — СПб.: Азбука-классика, 2005. — Т. 3. — 544 с.
4. Достоевский Ф. М. Идиот // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 10 т. — М.: Художественная литература. — 1957. — 343 с.
5. Толстой А. Н. Эмигранты. Повести. Рассказы. — М.: Правда, 1981. — 551 с.